

ПОЛИТНА

¹ Статья была опубликована в журнале «Udenrigs» (Дания). 1990. №3.

И.М.Бунин,

М. Ю. Урнов

Председатель Правления ЦПТ

О СУДЬБЕ ПЕРЕСТРОЙКИ В СССР (Попытка прогноза)¹

Весной 1990 г. политическое руководство страны впервые объявило о своей готовности решительно разрушить старый экономический уклад и быстро перейти к рыночной экономике. Еще совсем недавно ставка делалась на относительно продолжительное сосуществование взаимоисключающих типов хозяйствования. В июне 1989 г. даже наиболее радикальный человек в Политбюро А.Н.Яковлев говорил, что нельзя «старые формы хозяйствования ликвидировать насильственно, резать по живому. Надо сконцентрировать усилия на введении жизнеспособных новых форм. А старые либо естественно отомрут, либо сумеют приспособиться, найти в себе резервы выживания» («Известия». 23.06.1989). Академик Л.И.Абалкин назвал эти процессы формированием «критической массы», позволяющей перейти к рынку.

В марте 1990 г. установка стала качественно иной. В инаугурационной речи президент М.Горбачев заявил о необходимости «перелома ситуации», при которой старые и новые формы хозяйствования сосуществуют «в антагонистической форме, взаимно ослабляя друг друга», подчеркнув, что действовать следует, «избавляясь от всяких страхов и комплексов» («Известия». 16.03.1990). В условиях такого поворота абалкинское понятие «критическая масса» достаточно быстро трансформировалось в совокупность мер (налоговых, кредитных, антиинфляционных и социальных), призванных сделать рынок реальностью («Правительственный вестник». 1990. № 13).

По мысли творцов новой концепции реформы, эта концепция означает нечто значительно большее, чем простое ускорение преобразований. Экономический советник Президента Н.Петраков оценил ее как снятие с реформы идеологических барьеров («Рабочая трибуна». 24.04.1990), а член Президентского совета С.Шаталин сказал, что решение о радикализации реформы представляет собой «не просто хозяйственное решение», а «политический выбор» («Литературная газета» 02.05.1990).

И это действительно так. К наиболее важным изменениям в концепции экономической реформы относится, в частности, новая трактовка социальной защищенности. Если раньше под ней понималась прямая ответственность государства за благосостояние каждого гражданина, то теперь подобная прямая ответственность перестает быть универсальной, адресуется только к строго

ограниченным группам населения (пенсионерам, многодетным семьям, студентам и т.д.), а в отношении остальных социальные гарантии заменяются свободной хозяйственной деятельностью. «Политика государства в условиях рынка, – заявил Л.Абалкин, – должна состоять в том, чтобы обеспечить защиту слабым и свободу сильным» («Правда». 30.03.1990).

Принцип социальных гарантий является системообразующим элементом всех вариантов социализма. И отказ от него означает не только фактический отказ от коммунистической иллюзии особого пути, начатого Октябрем, но и, в значительной мере, выход за пределы социал-демократической парадигмы. Заявления о непригодности для СССР шоковой терапии рынком, прозвучавшие в апреле 1990 г. в выступлениях Петракова, Шаталина, а затем и самого Горбачева, существа дела не меняют. Заявления эти продиктованы сугубо прагматическими соображениями (необходимостью юридической, организационной и пропагандистской подготовки перехода к рынку, боязнью оформления популистского политического блока и пр.) и доказывают только то, что социальные гарантии утратили статус «незыблемого принципа» и перешли в разряд вещей, к которым относятся инструменталистски.

Наряду с признанием политического плюрализма и допущением (хотя и весьма робким и непоследовательным) возможности развития частной собственности и конфедеративного устройства страны, новая концепция экономической реформы является одним из симптомов начавшейся в 1990 г. кристаллизации новой политической философии Горбачева и, соответственно, новой официальной доктрины перестройки.

Принципиальная возможность такой эволюции проекта перестройки угадывалась довольно давно. Что же касается скорости оформления новой доктрины, то еще в конце 1989 г. она представлялась бы немислимо высокой. И, тем не менее, наметившееся в 1989 г. «концептуальное» отставание руководства страны от объективного хода событий в нынешнем году не только не сократилось, но, напротив, увеличилось. В результате политика центра окончательно перестала быть активно-упреждающей и превратилась по преимуществу в пассивно-приспосабливающуюся.

Чем это объясняется? Отметим, прежде всего, что период с ноября 1989 по май 1990 г. оказался совершенно фантастическим по плотности событий, которые почти одновременно привели к качественному изменению внешнеполитического и внутривнутриполитического положения страны.

Напомним лишь некоторые, наиболее важные процессы, имевшие место в этот период:

– революции в Восточной Европе и фактическая ликвидация Варшавского договора и СЭВ;

– провозглашение независимости Прибалтийскими республиками, т.е. начало реального политического распада «федеративного» государства;

– организационное оформление сильного демократического крыла в КПСС («Демократическая платформа»), сделавшее раскол партии и реальную многопартийность в стране вопросами ближайшего будущего;

– оформление избирательного блока некоммунистических сил (в РСФСР – «Демократическая Россия»), одержавшего крупные победы на выборах в республиканские и местные советы. В частности, в Москве и Ленинграде этот блок получил подавляющее большинство мест;

– лавинообразный развал экономики, переставшей быть централизованно управляемой, но и не ставшей рыночной;

– мощные демонстрации, требующие, помимо прочего, отмены 6-й статьи Конституции, закрепляющей руководящую роль КПСС в обществе.

Эти процессы, разумеется, нельзя считать неожиданностью, так как каждому из них предшествовал довольно длительный «подготовительный» период. Достаточно хорошо прогнозируемой была и возможность их синхронизации. Но иметь прогноз – это одно, а мочь на его основе овладеть ситуацией – совершенно другое. Для большинства ЦК КПСС, остающегося, несмотря на все чистки, консервативным и недостаточно квалифицированным, для столь же консервативного и экономически неквалифицированного большинства Совета министров, а также для аморфного и, опять-таки, недостаточно квалифицированного большинства Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР эта задача была совершенно непосильной. Появившийся в тот период термин «маразм (или паралич) власти» вполне точно отражает положение дел.

Переход к президентскому режиму, существенно развязавший руки Горбачеву, создал предпосылки для преодоления этой ситуации, но коренного перелома не обеспечил. Возможно, в том числе и потому, что темпы идеологической трансформации не могут быть сколь угодно большими даже у такого динамичного человека, как Горбачев. Наиболее ярко его психологическое неопределение за событиями проявляется сейчас, по-видимому, в отношениях с Прибалтикой.

Как бы то ни было, но нынешняя ситуация свидетельствует о том, что разбухшие перестройкой процессы вышли из-под контроля центра и начали развиваться своими собственными темпами и по своим собственным законам. Иначе говоря, «революция сверху», судя по всему, кончилась. Началось стихийное и болезненное становление нового общества.

Каким оно будет? Если наметившиеся в настоящее время тенденции получат дальнейшее развитие, то через 5–10 лет общественный организм, располагающийся ныне на территории Советского Союза, станет качественно иным во всех существенных аспектах: геополитическом, экономическом, социальном и внутривнутриполитическом.

К важнейшим изменениям геополитического характера следует, в первую очередь, отнести фактический отказ СССР от претензий на статус сверхдержавы и связанную с этим дальнейшую его демилитаризацию, полное политическое отделение от СССР некоторых республик (по всей вероятности, не только прибалтийских) и постепенный переход оставшихся в Союзе республик к конфедеративным отношениям. В результате будут окончательно подорваны позиции имперской идеологии.

Что касается РСФСР, то здесь, по-видимому, начнет формироваться реальная федерация, субъектами которой будут выступать крупные российские регионы, автономные республики, а может быть, и другие автономные образования.

Довольно распространенная точка зрения о возможности «очень конфликтного распада» страны (см., например, «Век XX и мир». 1990. № 3. С. 38) вряд ли оправдана, если, конечно, мы признаем существование у людей инстинкта самосохранения. Наличие в СССР термоядерного, химического и биологического оружия, АЭС и других технологических комплексов, поддержание нормальной жизнедеятельности которых необходимо во избежание гигантских по масштабам и последствиям катастроф, является существенным тормозом хаотизации и стимулом к нахождению согласия.

Учитывая значительное усиление в будущем качественного разнообразия процессов, протекающих в различных частях сегодняшнего СССР, мы в дальнейшем изложении ограничимся рассмотрением лишь российских проблем.

В экономике России в течение ближайших 5–10 лет завершится, по всей вероятности, демонтаж административно-командной системы и сложатся основы многоукладности. Будет происходить переструктуризация экономики и постепенное вращение ее на этой основе в международное разделение труда. Все возрастающее значение в хозяйстве республики будут приобретать смешанные и иностранные фирмы.

В социальной сфере на базе новых форм собственности появится относительно широкий (по нынешним советским меркам) средний класс, который выделит из своей среды новую экономическую и политическую элиту – крупных собственников, менеджеров, политиков и пр. Сойдет с авансены такой типаж традиционной советской элиты, как партийно-государственный «аппаратчик». Начнет появляться чиновник нового типа. Общество значительно

дифференцируется, образуются многочисленные маргинализирующиеся и маргинальные группы. Сложатся первичные структуры гражданского общества.

Социальная база, на которой будет формироваться новый средний класс, ясно просматривается уже сейчас. Речь идет об обнаруживаемой практически во всех крупных социологических опросах 1/3 общества, выражающей поддержку частной собственности, готовой рисковать и открывать свое собственное «дело», говорящей о пользе социальной дифференциации, выступающей за дальнейшую демократизацию и политический плюрализм и т.п. Эта часть населения состоит по преимуществу из среднего и молодого поколения горожан, имеющих как минимум законченное среднее образование и достаточно высокую профессиональную квалификацию. Разумеется, эти люди не свободны от «родимых пятен социализма», но они заметно адаптивнее остальных и легче осваивают новые правила жизни.

Становление реальной многопартийности будет опережать процессы формирования многоукладной экономики и гражданского общества и в значительной мере стимулировать их. Мощным фактором развития многопартийности станет раскол КПСС по идеологическим признакам, который вполне может произойти уже на XXVIII съезде партии летом 1990 г.

Рассмотрим теперь факторы, осложняющие ход преобразований советского общества.

Один из таких факторов, ярко проявляющийся уже сейчас, – невротизированность общественного сознания. Это стрессовое состояние общества представляет собой болезненную, но, к сожалению, почти неизбежную реакцию на глубочайший социальный перелом, сопровождающийся распадом всех базовых институтов, девальвацией фундаментальных ценностей, разрушением привычных образов жизни, ростом нестабильности и ухудшением экономической ситуации. Среди наиболее характерных проявлений невротизированности общественного сознания следует назвать ставшее почти всеобщим ощущение мрачной неопределенности будущего, усиление озлобленности, оживление суеверий, ослабление и без того не слишком сильной социальной и политической активности большинства населения и, наконец, распространенность предчувствия неотвратимо надвигающихся социальных катаклизмов.

Большая часть страхов социальных катастроф сводится к двум основным типам: к страху перед репрессивными действиями со стороны властей и к боязни хаоса.

Содержание «страха власти» постоянно меняется. Так, до III съезда народных депутатов доминировал страх повторения «октября 1964 г.». Сейчас он ушел, и его место заняла боязнь военного переворота. Вряд ли стоит долго доказывать беспочвенность

подобного опасения. Во-первых, механизм отбора и карьеры в Советской Армии таков, что полностью исключает появление в высшем эшелоне военного командования людей, способных принимать политические решения и брать на себя политическую ответственность. По-видимому, такая же ситуация складывается и в КГБ. Во-вторых, популярность армии весьма низка, что связано даже не столько с проигранной войной в Афганистане, «делом Руста» и т.д., сколько с нарастанием волны антимилиитаристских настроений. По вполне понятным причинам престиж КГБ также невелик. В-третьих, и в армии, и даже в КГБ заметны признаки раскола по политическим мотивам. И, наконец, как показывают опросы, и в армии, и в репрессивных органах большинство поддерживает основные направления перестройки, в частности, идеи рынка и политического плюрализма («Огонек». 1990. № 15. С. 3).

Еще один из бытующих в нынешнем (особенно, леводемократическом) сознании страхов – боязнь создания Горбачевым режима личной власти. Этот страх нельзя назвать иначе как бредовым, ибо только нездоровая логика может непротиворечиво соединить стремление к личной власти (диктатуре) с разрушением тоталитарной системы, введением гласности и политического плюрализма, принятием на себя международных обязательств по соблюдению прав человека и открытием границ. Отметим также, что при нынешних общественных настроениях любая попытка свернуть демократический процесс и установить личную диктатуру натолкнулась бы как минимум на всеобщую стачку работников топливно-энергетических отраслей, а кроме того, вызвала бы массовое бегство республик из Союза. В таких условиях решиться на насильственный захват власти может разве что маньяк или самоубийца.

Теперь о второй группе страхов – боязни хаоса, экономической катастрофы, гражданской войны, всеобщей анархии. Как правильно подметил публицист Ю.Олещук, важнейшим компонентом этих фобий является народобоязнь, страх перед «бессмысленным и беспощадным» бунтом («Литературная газета». 07.03.1990), т.е. фактически страх перед «большой кровью».

Однако сама всеобщность этого страха указывает на отсутствие массовой базы для бунта. Подавляющее большинство не склонно ни громить, ни «разрушать до основания». Против возможности подобного развития событий говорит и социальная апатия большинства населения, у которого тактика «индивидуального выживания» пользуется заведомо большей популярностью, чем коллективные политические акции. Социальная апатия в условиях, способствующих политическому активизму, – феномен, требующий глубокого изучения. Не исключено, что здесь сказывается не только социокультурное наследие тоталитаризма и ситуационная усталость, но и чисто биологическая подорван-

ность населения, потерявшего около 100 млн. человек в результате революции, террора и войн, а затем прошедшего через «химизацию» сельского хозяйства и экологические кошмары. Кроме того, хорошо известно, что ни один стихийный бунт не возможен без популярных лидеров и подчиненных им эффективно действующих организационных структур. Ни того, ни другого в России пока нет.

Свои страхи существуют и на самом верху. В начале перестройки Горбачев совершенно справедливо опасался мощной оппозиции реформам со стороны консервативной части высшего и среднего эшелонов партийно-государственного аппарата.

Затем к этому добавился куда менее определенный страх народных волнений и падения правительства в результате смычки недовольных рынком масс с партийными консерваторами. Так, в ноябре 1989 г. Горбачев, обосновывая недопустимость «прыжка через пропасть» (т.е. резкого перехода к рынку) говорил, что «за две недели такой «рынок» выведет весь народ на улицы и сметет любое правительство, как бы ни клялось оно в верности народу» («Правда». 06.10.1989). В настоящее время возможности подобной смычки оказались существенно подорванными в связи с ослаблением позиций партийных консерваторов в институтах власти, ростом социально-психологической пассивности и идеологической индифферентности большинства населения, все более решительной поддержкой политически активным меньшинством радикального варианта реформы и общей дискредитацией коммунистической идеологии и партии. Это, однако, не заглушило беспокойства Горбачева относительно консервативной опасности. Судя по высказыванию экономического советника Президента Н.Петракова, ее основным источником являются сейчас авторитарно-популистски настроенная часть депутатов законодательных органов СССР и РСФСР и руководство профсоюзов, которые «играют на настроениях масс», в большинстве своем считающих, что очереди и карточки лучше, чем инфляция («Рабочая трибуна». 24.04.1990).

В последние месяцы к традиционному страху перед консервативной оппозицией у руководства страной добавилась еще и боязнь недавно сложившегося блока радикалов, с которыми Горбачев не может найти общего языка отчасти из-за их стремления перехватить у него идейное руководство перестройкой, а отчасти из-за их атаки на символы, с которыми Президент, по-видимому, все еще себя идентифицирует (великая держава, социалистический выбор, Ленин и пр.).

Страхи «на два фронта» в сочетании с осознанием Горбачевым того, что он теряет популярность и упускает политическую инициативу, во многом объясняют участвовавшие весной 1990 г. шарахания и непоследовательности проводимой им политики.²

- Отметим, что перспективы личной политической карьеры Горбачева в решающей мере зависят от характера его взаимоотношений с радикальным блоком. При всей идейной разнородности этой группы, она представляет собой тот «первичный бульон», из которого образуются будущие господствующие идеологии и политические силы. Так что если нынешняя идеологическая дистанция между ней и Горбачевым сохранится и тем более увеличится (а такая возможность отнюдь не исключена), то первый президентский срок Горбачева будет и последним.

Предстоящий переход к рынку, скорее всего, еще более ухудшит психологический климат общества и общую ситуацию в стране. В течение первых 1–1,5 лет существования в новых экономических условиях следует ожидать заметного сокращения объема производства, быстрого роста цен, дальнейшего нарушения традиционных хозяйственных связей. В социальной области все это найдет отражение в росте локальных конфликтов, вспышках забастовок, подъеме преступности и, вообще, в увеличении числа очагов напряженности.

Впрочем, какими бы сложными ни были эти проблемы, они ни в какое сравнение не идут с теми, которые необходимо будет решить России для того, чтобы построить цивилизованное индустриальное, а затем и постиндустриальное общество. Трудности, с которыми ей придется столкнуться при решении этой задачи, значительно превышают трудности, пережитые государствами, потерпевшими поражение во Второй мировой войне.

Речь идет, во-первых, о технологической отсталости, структурных диспропорциях экономики и отсутствии необходимых для современного хозяйства профессиональных навыков и квалификации у большинства трудоспособного населения (включая отсутствие кадров для обслуживания жизненно важных функций рыночного механизма: банковских работников, бухгалтеров, юристов, менеджеров, дилеров и т.п.). Вторым существенно важным фактором, который будет осложнять ситуацию в течение длительного времени, является состояние общественного сознания, и прежде всего, глубиннейший нравственный кризис, охвативший практически все стороны бытия советского общества: трудовую и деловую этику, семейные отношения, общение, отношения человека и государства и пр.

Этот кризис ярко проявляется в обычности таких криминальных явлений, как коррупция, воровство, организованная преступность, злоупотребление властью, насилие. Но есть у него и некриминальные, хотя и не менее опасные, «бытовые» формы выражения: ставшие нормой некачественная работа и невыполнение принимаемых на себя обязательств, варварское отношение к природе, гигантский дефицит милосердия, процветание лжи, цинизма, грубости и т.п. Все эти явления столь массовы и столь сильно выражены, что дают основание говорить о моральном вырождении советского общества. Нынешнее положение представляет собой не результат только что происшедшего морального надлома, а следствие выхода на поверхность длительно вызревавших форм бытия нескольких выросших в безнравственности поколений. Это означает, что полное моральное выздоровление России будет далеко не быстрым и займет по меньшей мере период активной жизнедеятельности одного – двух поколений.

Еще одна крайне важная для рассматриваемой здесь темы особенность советского общественного сознания – его недемократичность, т.е. распространенность в нем таких черт, как нетерпимость, правовой нигилизм, склонность к харизме и пр. Результаты многих социологических опросов, в том числе и проводившихся одним из авторов этой статьи, дают основание утверждать, что в России в настоящее время отсутствует социальный слой, который являлся бы живым носителем развитой демократической традиции. Даже в интеллектуальной элите – столичной интеллигенции, где демократия пользуется достаточно сильной вербальной поддержкой, демократические отношения отнюдь не являются фактом повседневного бытия.

Среди характеристик сознания, которые еще долго и серьезно будут мешать развитию в России нормальной рыночной экономики, следует особо выделить приверженность идее уравнилельного распределения и установку на социальное иждивенчество.

Все вышеназванные факторы вряд ли позволят быстро сформироваться в России действительно цивилизованному рыночному хозяйству и стабильному обществу социального партнерства. Становление такого общества – это проблема поколений, даже при условии широкой помощи Запада. Что же касается периода, оставшегося до начала XXI в., то в это время Россия, по всей вероятности, будет существовать в условиях «дикого» рынка, с характерными для него нечестной конкуренцией и целым рядом других негативных черт, заимствованных из «теневой экономики» и практики взаимообмана в государственном хозяйстве эпохи «развитого социализма». Коррупция, организованная преступность также получат дальнейшее развитие. Весьма вероятно и усиление социальных и национальных конфликтов. Одним из важнейших обстоятельств, способствующих этому, явится люмпенизация значительных слоев населения за счет неизбежного дальнейшего ухудшения жизненного уровня части тех, кто уже сейчас живет за чертой бедности, а также появления большого количества безработных, беженцев и демобилизованных офицеров, не нашедших себя в гражданской жизни.

Какими будут на этом фоне тенденции политического развития? Сценариев много. Какой из них реализуется, зависит от гигантского количества факторов, в том числе и принципиально непредсказуемых. Так что если о чем сейчас и имеет смысл говорить, так это не о персоналиях или крайне нестабильных партиях (включая и КПСС), а о перспективах тех или иных идеологий, способных занять в обществе господствующее положение.

Вряд ли стоит специально доказывать, что возможность оказаться в роли господствующей идеологии полностью исключена для любых вариантов марксизма-ленинизма. (По данным опроса, проведенного в июле 1989 г. Институтом марксизма-ленинизма

при ЦК КПСС и Московской высшей партийной школой, с коммунизмом связывают будущее человечества только 2,3% беспартийных граждан СССР и 4,8% членов КПСС. См. «Правда». 03.03.1990).

Не велики шансы завоевать ведущее положение и у идеологии правого, националистического радикализма, крайним представителем которого является «Память». Один из важнейших элементов правого радикализма – пафос империи – по сути дела не находит отклика в по преимуществу приватизированном и партикулярном массовом сознании России. Нынешнее равнодушие большинства населения РСФСР к идее и символике «тысячелетней державы» (как дореволюционной, так и сталинской) хорошо иллюстрируется, в частности, спокойной реакцией на «потерю» Восточной Европы и Прибалтики, а также прокатившимися на юге РСФСР митингами протеста против посылки в Баку русских призывников. Проблемы и конфликты за пределами России явно воспринимаются большинством россиян как чуждое им дело. Отсутствует в России и такой стимул развития правого радикализма, как достаточно сильный левый радикализм. Отметим также, что авторитарность, антирыночность, уравнительность, изоляционизм и антизападничество правого радикализма отталкивают от него подавляющую часть интеллигенции (особенно элитарной) и промышленников, т.е. оставляют эту идеологию без мозгов и средств к существованию. В таких условиях ее социальная база будет, скорее всего, ограничена маргинальными слоями и частично группами со снижающимся социальным статусом.

Говоря об отсутствии в России имперского пафоса, мы вовсе не утверждаем, что здесь не существует национального вопроса. Русский национализм развивается, но имеет, скорее, оборонительный, чем наступательный характер и стремится не к доминированию над другими нациями, а по преимуществу к поиску идейно-культурных средств преодоления глубинного комплекса неполноценности, связанного с осознанием отсталости и упадка страны. Шовинистические идеи у большинства населения вызывают реакцию отторжения.

Различные идеологии левопопулистского толка, с характерными для них идеями самоуправления и трудовой собственности, а также неприятием крупной частной собственности, смогут привлечь симпатии определенной части населения. Однако в свободной борьбе политических сил левый популизм обречен на поражение, так как, во-первых, он – точно так же как и правый радикализм – лишен серьезных интеллектуальных и финансовых ресурсов, а во-вторых, его повышенная идеологичность будет отпугивать массовое сознание, уставшее от доктринерства.

Социал-демократической идеологии, безусловно, обладающей большим позитивным потенциалом, свойствен, однако, ряд черт, которые неизбежно будут ослаблять ее влияние в России ближайшего десятилетия. Так, эта идеология имеет слишком выраженный универсалистский характер (лишена национальной специфики) для того, чтобы быть конкурентоспособной в условиях подъема национального самосознания. Далее. Она слишком склонна к институционально-структуралистскому анализу социальной действительности, слишком рациональна и близка к позитивизму для того, чтобы удовлетворить существующий в массовом сознании глубинный запрос на нравственно-проповеднический аспект идеологии. Наконец, на уровне персоналий и некоторых содержательных элементов (идея социализма и пр.) социал-демократическая идеология будет со всей очевидностью обнаруживать свою единую кровность с КПСС, что никак не добавит ей популярности.³

Либерализм, столь же универсалистский и рационалистический, как и социал-демократизм, отличается от последнего существенно большей элитарностью и несравненно меньшей склонностью к социальным гарантиям. Эти свойства практически лишают его перспективы в бедной, сотрясаемой конфликтами стране.

Наиболее вероятным претендентом на место лидера представляется нам идеология, синтезирующая идеи рыночной экономики и национального возрождения на религиозно-нравственной основе.

В настоящее время эта идеология находится пока еще в эмбриональном состоянии, но контуры ее угадываются достаточно хорошо. Осуществляемый ею синтез будет не чем иным, как идеей открытого общества, реализуемой в экономической сфере через рынок, а в сфере духовной через национально-религиозный миф в стиле Достоевского о развернутости русской культуры на весь остальной мир, о ее стремлении «к единению всечеловеческому». Отметим также, что этот национально-религиозный миф вряд ли ограничится только православием. Во-первых, потому что для него в принципе узки рамки какой бы то ни было определенной конфессии. Во-вторых, потому что удержаться внутри православия ему не позволит ни нынешнее состояние церкви, ни нынешнее состояние религиозного сознания – в большинстве своем внецерковного.

По сравнению с другими идеологиями, такой синтез будет обладать целым рядом существенных преимуществ, открывающих ему путь наверх. В самом деле, свойственная российской культуре связь, чтобы не сказать отождествление, христианского и национального не только обеспечивает ему возможность удовлетворить запрос растущего национального самосознания, но и дает столь важную в период социальной нестабильности легитимность, основанную на традиции.

³ По-видимому, помня это, недавно созданная в СССР социал-демократическая партия решила отказаться от понятия «социализм», заменив его термином «социальная демократия», и провозгласила задачу «капитализации» советского общества. Но это фактически означает выход за пределы социал-демократии и делает нелогичным выбор партией своего названия.

Далее. С помощью подобной идеологии достаточно эффективно решается проблема избавления национального сознания от мучительного комплекса неполноценности. Возвращая рынок в контекст национальной культуры, она тем самым облегчает проведение «экономической терапии» – болезненной, длительной, но совершенно необходимой для реального преодоления отсталости страны. Одновременно эта идеология содержит в себе и значительно более быстродействующее неэкономическое средство борьбы с данным комплексом – осмысление своей национально-культурной специфичности в качестве уникального вклада в мировую цивилизацию.

Кроме того, христианская основа такой идеологии позволяет идее рынка органично соседствовать с идеей социальной защиты слабых и нуждающихся, т.е. с идеей социальной справедливости.

Наконец, столь традиционалистски окрашенная идеология будет вполне соответствовать идее обеспечения порядка, законности и стабильности – желанных, потому что отсутствующих. Все это создает основу для одновременной поддержки этой идеологии и сильными, и слабыми, т.е. для превращения ее в базу социального консенсуса. Иными словами, политические силы, взявшие эту идеологию на вооружение, получают вполне реальную и, вообще говоря, уникальную возможность принести обществу внутренний мир, а себе прочную власть. Возможность слишком соблазнительная, чтобы ей никто не воспользовался.